

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-102-117>

Эволюция института ошибки в уголовном праве России

В. Е. Новичков¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Анализ юридической литературы показывает, что при определении ошибки в уголовном праве юристы используют различные понятийные категории, что вносит путаницу в понимание и квалификацию юридической или фактической ошибки. В связи с чем в статье рассмотрен генезис института ошибки в уголовном праве России, в частности классический подход к пониманию, определению и систематизации ошибки, закрепляющий положение о том, что единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего признаки всех элементов состава преступления. В статье проблема ошибки в действующем уголовном законе Российской Федерации раскрывается с позиции необходимости установления внутреннего отношения субъекта и к действиям (бездействию), и к последствиям, к каждому юридически значимому объективному признаку конкретного деяния.

Цель исследования заключается в анализе института ошибки в уголовном праве России.

Задачи: провести анализ специальной исторической и современной литературы о генезисе ошибки в отечественном уголовном праве и, основываясь на достижениях отечественной науки уголовного права, обобщить имеющиеся определения понятий «ошибки» и иных логико-языковых феноменов.

Методология. Исследования строились на применении философских методов изучения категорий, составляющих понятие уголовно-правовой ошибки, а также на общенаучных методах: анализе и синтезе; конкретно-юридическом, системно-структурном, сравнительно-правовом анализе документов, контент-анализ текстов и др.

Результаты исследования отличает теоретико-прикладная направленность генезиса института ошибки в отечественном уголовном праве и выделение наиболее полных характеристик понятия уголовно-правового заблуждения.

Вывод. На основе полученных результатов исследования констатируется, что современное понимание института ошибки учитывает исторические подходы к рассмотренному феномену в российском уголовном праве, базируется на них и соответствует уголовной политике Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный закон; юридическая ошибка; преступление; объективная сторона; вина; квалификация преступления.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Новичков В. Е. Эволюция института ошибки в уголовном праве России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 102–117. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-102-117>.

Поступила в редакцию 27.04.2023

Принята к публикации 26.05.2023

Опубликована 30.06.2023

The Evolution of the Institution of Error in the Criminal Law of Russia

Valery E. Novichkov¹ ✉

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. An analysis of the legal literature shows that when defining an error in criminal law, lawyers use different conceptual categories, which confuses the understanding and qualification of a legal or factual error. In this connection, the article considers the genesis of the institution of error in the criminal law of Russia, in particular, the classical approach to understanding, defining and systematizing errors, fixing the position that the only basis for criminal liability is the commission of an act that contains signs of all elements of a crime. In the article, the problem of an error in the current criminal law of the Russian Federation is revealed from the standpoint of the need to establish the internal attitude of the subject both to actions (inaction) and to the consequences in real life, to each legally significant objective sign of a particular act.

The purpose of the study is to analyze the improvement of the institution of error in the criminal law of the Russian Federation.

Objectives: to analyze the special historical and modern literature on the genesis of errors in domestic criminal law and, based on the current law, the achievements of the domestic science of criminal law, to summarize the experience of defining and logic-linguistic concepts of criminal law error.

Methodology. The research was based on the application of philosophical methods for studying the categories that make up the concept of a criminal law error, as well as on general scientific methods: system-structural, analysis and synthesis; specific legal, comparative legal analysis of documents, content analysis of texts, etc.

The results of the study are distinguished by the theoretical and applied orientation of the genesis of the institution of error in domestic criminal law and the identification of the most complete characteristics of the concept of criminal law error.

Conclusion. Based on the results of the study, it is stated that the modern understanding of the institution of error takes into account historical approaches to the considered phenomenon in Russian criminal law, is based on them and corresponds to the criminal policy of the Russian Federation.

Keywords: criminal law; legal error; crime; objective side; guilt; crime qualification.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Novichkov V. E. The Evolution of the Institution of Error in the Criminal Law of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(3): 102–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-3-102-117>

Received 27.04.2023

Accepted 26.05.2023

Published 30.06.2023

Введение

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации нет указания на какие-либо условия, при наличии которых преступность деяния устранялась либо лицо, его совершившее, освобождалось от уголовной ответственности в связи с допущением таким лицом юридической ошибки. Тем не менее правоприменительная практика показывает,

что граждане Российской Федерации, совершая те или иные общественно опасные деяния, систематически допускают подобные ошибки, вследствие которых они становятся непосредственными субъектами уголовно-правовых отношений. Отметим, что такие ошибочные действия (бездействие) граждан, в свою очередь, могут повлечь так называемые квалификационные ошибки со стороны субъекта

правоприменения. В любом случае допускаемая ошибка с чьей либо стороны может существенным образом влиять на содержание вины субъекта преступления, возможность объективного вменения, обоснованность привлечения данного лица к уголовной ответственности и ошибочную квалификацию общественно опасного деяния, осуществляемую субъектами, обладающими соответствующими государственно-властными полномочиями. По этим же причинам могут изменяться пределы уголовной ответственности, виды и размеры назначаемого наказания. В широком смысле слова здесь речь может идти об ошибке как в отношении социальных свойств деяния в целом, отдельных его сторон, так и в отношении его правовой значимости (ошибках квалификации общественно опасных деяний всеми субъектами уголовно-правовых отношений). Если учесть и то, что в уголовном праве содержится достаточно норм, предусматривающих ответственность за систематическое нарушение административно-правовых режимов, то ошибки субъекта подобных административных правонарушений также могут быть отнесены к уголовно-правовой проблеме субъективных ошибок. Последнее утверждение касается субъективной ошибки в уголовно-правовых отношениях справедливо ещё и потому, что ошибки совершают лишь субъекты общественно опасных деяний в связи с их интеллектуальными представлениями и волевыми качествами.

Постоянный процесс изменения, дополнения и конкретизации уголовного закона, усиление зависимости ряда его положений от предписаний иных нормативно-правовых актов, отсутствие четких понятийных определений в некоторых уголовных нормах и другое только способствуют недопониманию гражданами отдельных уголовно-правовых требований, что только актуализирует проблему ошибок в уголовном праве.

Уголовно-правовой интерес представляют не сами по себе и не все ошибки, а лишь те из них, которые дают представление: а) о содержании субъективной стороны субъекта совершения общественно опасного деяния, б) об интеллектуальных и волевых моментах субъекта совершения преступления, которые, в свою очередь, специалисты определяют как «особую форму заблуждения», в силу «неведения» или вследствие «неверного представления» либо «неверной оценки» собственного поведения, в) о соотношении ошибки и субъективного вменения в уголовном праве России, а также о возможности лиц, допустивших ошибки уголовно-правового свойства, не только нести уголовную ответственность и наказание, но и быть освобожденными от них; г) об определении субъективной ошибки и её понятий, а также употребления понятия ошибки со сходными значениями иных понятий в уголовном праве; д) о реакции правоприменителя в ходе квалификации на ошибку при совершении общественно опасного деяния; е) о «возможности – невозможности» законодательного закрепления ошибки в уголовном кодексе.

Наиболее общее понятие ошибки выражается в том, что ошибка в уголовном праве – это ситуация, когда лицо, совершившее деяние, не имело намерения, знания или возможности осознать недопустимость своих действий. Также ошибка может быть связана с неправильным истолкованием фактических обстоятельств совершения деяния или неправильным применением закона. В зависимости от характера ошибки она может приводить к снижению степени вины или отсутствию ее вообще, что, в свою очередь, может иметь влияние на назначение наказания.

Несмотря на то, что в науке уголовного права подчеркивается значимость проблемы субъективной ошибки, а также обосновываются некоторые логико-языковые и понятийные феномены, относя-

щиеся к учению об ошибке, тем не менее данный аспект ни на теоретическом, ни на законодательном уровне до сих пор не получил ясной трактовки.

Методология

При написании статьи исследования института уголовно-правовой ошибки строились на применении философских методов изучения категорий, а именно применялись общенаучные и частные методы: диалектический, исторический, позволившие изучить ошибку в уголовном законодательстве различных исторических эпох с позиции перехода развития ошибки в качественные правоотношения; системно-структурный и сравнительно-правовой анализ документов, способствовавшие построить стройную структуру генезиса ошибки, а также другие методы исследования ошибки в уголовном праве, дающие возможность анализировать и синтезировать информацию в конечные выводы об эволюции института ошибки, в том числе с помощью конкретно-юридических методов определиться с противоположными сторонами изучаемого явления и с единством количественного состояния уголовно-правовой ошибки в различных правовых отношениях.

Результаты и их обсуждение

Проблема заблуждения лица, совершившего общественно опасное деяние, или ошибки, а также её значения для квалификации деяния и вменения субъекту его в вину в истории уголовного права исследовалась многими юристами, но одно из первых исследований в этой части провел И. З. Геллер в 1910 г. Ученый определил ошибку в уголовном праве как неправильное представление лица или его рассуждений о реальных объектах или закономерных связях между этими объектами [1, с. 5].

И. З. Геллер настаивал, что в соответствии с теорией вины подлежит вменению лишь то деяние, которое можно

считать оконченным, в силу ещё и того, что субъективный момент способствует отграничению оконченного общественно опасного деяния от неоконченного, охватывающего признаки иного оконченного преступления. Другой аспект теории вины способствовал ограничению понятия причинной связи на основании субъективных признаков состава преступления. Как отмечал исследователь: «Действие само по себе опасное, но не обусловившее, однако, наступления преступного результата, не вменяется в вину в качестве оконченного преступления... при наступлении преступного результата непредвидимым образом результат должен считаться как бы не наступившим, а потому и деяние не может быть вменено в вину в виде оконченного преступления, хотя бы действие учинителя и было само по себе опасно, кроме того преступный результат иногда обуславливается не тем деянием лица, которое было направлено на его достижение, а другим, предпринятым позже, при наличии ошибочного предположения, что последствие уже наступило» [1, с. 79]. Таким образом, можно считать, что ошибка в причинной связи представляет собой конфликт между сознанием субъекта преступления и обусловленностью преступного результата.

Общее правило разрешения таких ситуаций было предложено Н. Д. Сергеевским: «Если последствие, хотя бы и задуманное, производится такой комбинацией, которую субъект не предусматривал и не мог предусмотреть, то это последствие вне пределов вменения» [2, с. 62].

В специальной литературе того времени при определении влияния ошибки на вменение деяния в вину рассматривались, как правило, два аспекта. Первый аспект акцентировал два момента (вопроса): каков должен быть необходимый минимум соответствия между сознанием действительности и действительностью, какие признаки общественно опасного деяния охватывались сознанием лица,

чтобы «его деяние» могло считаться совершенным с прямым или косвенным умыслом, и отсутствие каких элементов состава преступления (деяния) в сознании лица устраняет умышленную вину? В обоих случаях речь шла об ошибке как «неведении».

Второй аспект сводится к тому, как влияют на вменение в вину неточные, неверные представления лица, совершившего общественно опасное деяние, или представления его о признаках, отсутствующих во внешней стороне деяния. Данный аспект рассматривался тогда, когда сознание лица охватывает черты, которых нет в объективных признаках состава преступления. В этом случае вопрос идет об ошибке в тесном смысле, как о заблуждении.

Подобная двуединая парадигма считалась правильной, и вот почему. Когда речь шла о первой ситуации совершения общественно опасного деяния, в нем содержались все основные признаки объективной стороны преступления. Следовательно, в подобной ситуации состав преступления определялся всегда как материальный. Если речь шла о втором аспекте, то при квалификации деяния рассматривалась возможность «так называемых негодных посигновений», таких как: покушения с негодными средствами и покушения на негодный объект.

При таком подходе ошибка при умысле может относиться к любому элементу объективной стороны состава преступления, как к необходимому наличию причинной связи между деянием и преступным результатом, так и к самому преступному результату.

Исследователи называли и рассматривали несколько видов ошибок. Так, П. П. Пусторослев, например, писал о двух видах ошибок в уголовном праве – ошибке факта и ошибке права. По его мнению, ошибка факта возникает в случае, когда виновный совершает действие, не зная реальных обстоятельств ситуации. Ошибка права – это неправильная

трактовка виновным нормы права. Исследователь утверждал, что в случае ошибки факта виновный должен нести уголовную ответственность, а в случае ошибки права – нет [3, с. 341].

В научных трудах Н. С. Таганцева также выделяются два вида ошибок, на которые указывал П. П. Пусторослев: ошибку факта и ошибку права. Однако Н. С. Таганцев считал, что в обоих случаях лицо, совершившее преступное деяние, должно нести уголовную ответственность, так виновный должен был обеспечить достоверность информации и правильно понимать нормы права [4, с. 462, 464].

В свою очередь, Л. С. Белогриц-Котляровский отмечал, что ошибка – это только неправильная трактовка нормы права. По его мнению, виновный несет уголовную ответственность, если он знал о запрещенности своих действий в соответствии с юридическими нормами права [5, с. 229–230].

А. Ф. Кистяковский, давая понятие ошибки, считал, что она сводится к неправильному представлению виновного о социальной опасности своих действий и, следовательно, если виновный не осознал свою социальную опасность, он несет ограниченную уголовную ответственность [6, с. 407–414].

А. Ф. Кони под ошибкой понимал ситуацию, когда лицо действует не настолько осознанно, чтобы было возможно говорить о преступной воле. Он отмечает, что ошибка может быть фактической (неверное представление о фактических обстоятельствах) или юридической (неверное осмысление правовых последствий своих действий) [13, с. 430].

Таким образом, П. П. Пусторослев, Н. С. Таганцев, Л. С. Белогриц-Котляровский, А. Ф. Кистяковский и другие ученые полагали, что одну группу образуют так называемые ошибки фактические (ошибки относительно фактов); другую – ошибки относительно уголовно-правовых норм действующего права, они же –

ошибки в уголовном праве или юридические ошибки.

Разница в приводимых понятиях заключается в том, что Л. С. Белогриц-Котляревский и А. Ф. Кони упоминают как фактическую, так и юридическую ошибки, в то время как И. З. Геллер подчеркивает, что ошибку можно рассматривать только как результат обмана. В то же время А. Ф. Кони отмечал, что ошибка должна быть связана с отсутствием преступной воли. Л. С. Белогриц-Котляревский и И. З. Геллер не делают такого упора на волевое начало субъекта акции.

Следует отметить, что российские ученые, исследуя институт ошибки и по-разному характеризуя детали её свойств, тем не менее стремились к компромиссному определению признаков и видов ошибки в уголовном праве. Поэтому, по мнению большинства правоведов того времени, ошибка юридическая есть ошибка относительно норм действующего уголовного права (в том числе и относительно общих юридических понятий), а ошибка фактическая считалась ошибкой лица, относительно фактических обстоятельств дела и конкретных юридических и иных отношений. Это деление совпадает, таким образом, с общим делением ошибок на материальные и логико-правовые.

Теоретические разработки уголовно-правовой ошибки и её видов нашли своё отражение в законодательстве того исторического периода, в частности, в Уголовном уложении 1903 г. В нём к группе ошибок фактических относились ошибки в причиненной связи и ошибки в преступном результате. К группе же юридических ошибок принадлежали: ошибка относительно тех или иных норм уголовного и не уголовного закона, незнание уголовного закона, запрещенности деяния уголовным законом и его нормами и т. д. Всего же в Уложении 1903 г. можно выделить следующие виды (подвиды) уголовно-правовых ошибок.

1. Несоответствие закона факту дела. Эта ошибка связана с тем, что субъекты уголовно-правовых отношений при совершении конкретных действий учитывали не фактические обстоятельства дела, а нормы закона, которые не соответствовали действительности.

2. Неправильное толкование закона. В этом случае субъекты неправильно толкуют закон, что ведет в том числе к неправомерному привлечению или освобождению от ответственности.

3. Превышение властных полномочий со стороны правоприменителя, что приводит к принятию решения, которое не соответствует установленным законом правилам.

4. Ошибки в оценке доказательств. Эта ошибка связана с неправильной оценкой доказательств, что может приводить к неправомерному привлечению или освобождению от ответственности.

5. Нарушение процедуры судебного разбирательства. Эта ошибка связана с нарушением процедуры судебного разбирательства, что может привести к незаконному привлечению к ответственности или освобождению от нее.

Учение об ошибке в классической школе уголовного права дореволюционной России состояло, как минимум, из трех основных частей: 1) учения о значении фактической ошибки; 2) учения о значении юридической ошибки и 3) учения о негодном покушении.

При этом первая часть, в свою очередь, включала не менее трех отделов: 1) учения о фактической ошибке вообще, 2) учения об ошибке в объекте и «случаях выполнения действия не над предполагаемым объектом (уклонение действия)» и 3) учения о значении ошибок в объективной стороне состава преступления.

Уголовно-правовое значение этих ошибок различно, даже в рамках одной и той же группы ошибок может и должно быть дифференцированное отношение к ним в процессе субъективного вменения, т. е. когда следует выяснять, была ли та

или иная ошибка: а) в отношении конструктивного признака состава преступления; б) ошибка в отношении конструктивно разграничительного признака; в) ошибка в отношении квалифицирующих признаков; г) ошибка в отношении смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств; д) ошибка в отношении обстоятельств (признаков), которые не имеют уголовно-правового значения.

Отметим, что вид ошибки в непосредственном объекте приближается уже к ошибке в общем объекте состава преступления. Разница только в том, что при ошибке в непосредственном объекте имеется ошибка материальная, в случаях же ошибки в абстрактном объекте – логическая, иначе логико-правовая.

Ошибка в абстрактном объекте подходит под понятие ошибки в запретах уголовного права, а последняя часто (но не всегда) соединяется с презумпцией незнания запрещенности деяния уголовным законом [8, с. 7–8]. Логическая ошибка в данном случае российскими правоведами XIX в. рассматривалась как неправильное понятие об общем объекте, т. е. о том благе, которое охраняется действующим уголовным правом от посягательства. Считалось, что подобная ошибка может состоять или в неправильном понимании какого-либо юридического термина, входящего в законное определение состава преступления, или в незнании уголовно-правовых последствий деяний (наказуемости или меры наказания), или же в незнании запрещенности деяния уголовным законом.

По Уголовному уложению 1903 г. ошибку относительно преступного результата можно было признать одной из причин, смягчающих ответственность виновного. Кроме того, ошибка представлялась, в частности, ошибкой в родовом, а также в конкретном объекте состава преступления и дополнительных либо факультативных моментах таких объектов.

Несмотря на то, что Уголовное уложение 1903 г. не вступило в силу в полном объеме, тем не менее оно действовало в той или иной степени и после Октябрьской революции 1917 года – до 1918–1920 гг.

Б. В. Волженкин писал, что Уложение 1903 г. – «выдающийся памятник уголовного права России, по глубине проработанности правовых институтов и качеству законодательной техники стоявший на уровне лучших образцов мирового законодательства того времени. Давая ему оценку с точки зрения соперничества классической и социологической школ, можно сказать в целом, что в этом нормативном акте преобладали концепции классического направления» [9, с. 857].

Анализ уголовных законов советской России показывает, что, по сути, в них предусматривались следующие формы вины: умышленная, неосторожная, преступная и групповая. Умышленная вина подразумевает сознательное и добровольное совершение преступления. Неосторожная вина является формой вины, которая возникает в случае, когда преступление совершается по неосторожности или неаккуратности. Преступная вина возникает в тех случаях, когда деяние не соответствует закону, но было совершено неосознанно. Групповая вина предусматривает ответственность не только лица, совершившего преступление, но и всех участников совершения преступления¹.

¹ Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591; Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25 дек. 1958 г. (вместе с Основами законодательства) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1, ст. 6; Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: [утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г.] // Собрание законов СССР. 1924. № 24, ст. 205; О введении в действие

Логично, что в УК РСФСР тех лет, которые характеризовались объективным вменением, вопрос о влиянии ошибки субъекта преступления на ту или иную форму вины не находил явного разрешения. Он должен был разрешаться, как указывалось в специальной литературе тех лет, исходя из общих постановлений уголовного законодательства о формах вины [10; 11].

А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, В. Ф. Кириченко, Б. С. Утевский и другие ошибку в уголовном праве России рассматривали как неправильное применение норм уголовного права, в результате чего обвиняемый был неправильно признан виновным или, наоборот, был неправильно оправдан. Ученые советского времени полагали, что возможны различные виды ошибок, такие как ошибочное обвинение, ошибочное назначение наказания, ошибочная квалификация действия и т. д., а ошибки в уголовном праве могут возникать по различным причинам, включая неполное или неправильное понимание норм уголовного права, ошибки в доказательстве, неправильное применение предписаний закона и т. д. Кроме того, также подчеркивалось, что ошибки в уголовном праве РСФСР могут привести к серьезным последствиям, таким как неправильный вывод о действиях обвиняемого в условиях необходимой обороны или в отсутствии таковой, нарушение принципа индивидуальной ответственности и т. п. Ученые исходили из того, что правильное применение норм уголовного

права и избежание ошибок является крайне важным для обеспечения справедливости и защиты прав и свобод граждан в суде [10, с. 336; 12, с. 10; 13, с. 322; 14, с. 201].

В теории советского уголовного права ошибку принято было различать как ошибку фактическую (*error facti*) и ошибку юридическую (*error juris*). Считалось, что всякая фактическая ошибка должна трактоваться в пользу виновного и сводиться к следующему: 1) незнание (неведение) уголовного закона (обстоятельств, существенного для бытия преступления) или объективных признаков преступления (что обязательно должно исключать вину) либо Конституции РСФСР; 2) незнание (неведение) того, что совершаемое деяние на самом деле подпадает под признаки квалифицирующего состава преступления. Как и наука, судебная практика того времени признавала наличие именно таких двух видов ошибки и соответствующего их понимания и реализации [10, с. 254–256; 13, с. 322].

В юридической литературе исследовались и проблемы, связанные с ошибками, не исключающими виновности, в том числе и умышленной. Речь идет об ошибке, относящейся к обстоятельствам, безразличным для состава преступления. Например, виновный полагал, что совершает преступление, уголовное дело по которому возбуждается в порядке частного обвинения и для его возбуждения обязательно наличие жалобы потерпевшего в правоохранительный орган (ошибка относительно условия уголовного преследования). Таким образом, несмотря на законодательное закрепление объективного вменения, правоведы советского периода, через проблему уголовно-правовой ошибки, исходили из анализа вины как одного из основополагающих моментов составов преступления: «момента сознания или предвидения и момента воли» [12, с. 10].

В одном из ранних учебников по советскому уголовному праву ошибка фор-

Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153; О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») в редакции 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600; Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: Постановление Наркомюста Р.С.Ф.С.Р. от 12 дек. 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. С. 590.

мулируется как «неправильное представление лица о действительном юридическом и фактическом характере совершаемых действий» [15, с. 278–282]. Отсюда с очевидностью можно сказать, что уголовно-правовая ошибка возможна в форме либо фактической, либо юридической ошибок, т. е. ошибка в фактах в первом случае и ошибка в праве во втором случае.

В другом советском научном труде под ошибкой предлагалось понимать такие ситуации, «когда для обвиняемого было абсолютно невозможно узнать о запрещенности деяния уголовным законом и когда ошибка в праве не проистекала из небрежности», иными словами, речь идет о юридических и фактических ошибках одновременно [10, с. 75].

В Курсе советского уголовного права 1970 г. указывалось, что «ошибка есть неправильное представление лица о юридических или фактических свойствах или последствиях совершаемых действий». Здесь же констатировалось, что «ошибка может быть двух видов: юридическая и фактическая. Различие между ошибкой в установлении определенных фактических обстоятельств и ошибкой в их правовой квалификации помогает уяснению вопроса о влиянии ошибки лица на форму его вины» [16, с. 336].

Отметим, что юридическая ошибка в советском уголовном праве рассматривалась не только с позиции степени общественной опасности деяния, но ещё и его противоправности. Исходя из этого советские юристы различали: ошибки, относящиеся к общественной опасности деяния, и ошибки, относящиеся к противоправности преступного деяния. Утверждалось, что фактическое заблуждение касалось ошибочного представления субъекта о фактическом характере или фактических последствиях своих действий, тогда как при умысле: а) наличествует предвидение фактических обстоятельств, относящихся к объективным признакам преступного результата; б) су-

ществует предвидение развития причинной связи между действиями и наступившими преступными последствиями. Следовательно, и фактическая ошибка может выражаться ошибкой: а) относящейся к признакам объективной стороны состава преступления; б) относящейся к свойствам непосредственного объекта преступного посягательства; в) в причинности, т. е. относящейся к развитию причинной связи между деянием и наступившим преступным результатом [10, с. 75–76; 12, с. 35–36; 13, с. 321–322].

А. А. Пионтковский, П. С. Дагель, Д. П. Котов и др., соглашаясь с этим утверждением, определяли, что в первом случае фактическая ошибка может быть или ошибкой, относящейся к основным признакам объективной стороны состава преступления, или ошибкой, относящейся к обстоятельствам, квалифицирующим преступление, а во втором случае фактическая ошибка может заключаться в заблуждении отсутствия объективных элементов того или иного состава преступления или в ошибочном представлении об их наличии [16, с. 336; 17, с. 210].

Из вышеприведённых позиций ученых того времени можно сделать вывод о том, что все определения ошибки сводились к двум основным подходам. Первый подход заключался в признании ошибки как неправильном представлении субъектом реальных фактических или правовых признаков или свойств совершенного общественно опасного деяния и его вредных последствий (например, В. Ф. Кирichenko, А. А. Пионтковский и др.).

Второй подход формулировал ошибку как заблуждение лица относительно фактических и юридических признаков содеянного (например, В. А. Якушин) [18, с. 33, 58].

На наш взгляд, подобная дискуссия, по сути, заключалась в искусственном создании «конкуренции» двух видов уголовно-правовых ошибок – фактической и правовой, юридической, что и влияло на справедливую квалификацию того или

иного общественно опасного деяния. Кроме того, представляемые доводы советских правоведов не учитывали того, что и при покушении на преступление объект, как правило, может не пострадать, а вопрос, собственно, и состоит в наличии в подобных обстоятельствах оснований ответственности, например, при неоконченной преступной деятельности.

Современному российскому уголовному законодательству и практике его применения знакомы положения и нормы об ошибках, возникающих в процессе соответствующей деятельности, в том числе и всеми субъектами уголовно-правовых отношений – от дознавателей и следователей до субъекта совершения преступления. Кроме того, сюда же относятся также ошибки соблюдения права при наличии определенных условий для отдельных категорий граждан, которые также могут нести тот или иной вид социальной ответственности. Все виды ошибок специалисты связывают с различными видами деятельности субъектов уголовных правоотношений и по-разному называют их. Например, юридическая ошибка, по мнению правоведов, представляет собой «не соответствующий истинным знаниям момент (применимо к конкретной ситуации). Иными словами, юридическая ошибка – это результат интеллектуальной или волевой деятельности человека, противоположный правильному, совершенный непреднамеренно, но с возможностью и способностью предвидения» [19, с. 3–7].

Рассматриваемое понятие в полной мере отражает как ошибки в правотворчестве, так и ошибки правоприменительного характера. В широком смысле слова под правотворческими ошибками учеными предлагается понимать «несоответствие правовых актов или отдельных юридических норм требованиям социальной среды» [20, с. 53]. Ошибки или заблуждения правоприменителя рассматриваются как невозможность точного определения нарушения какого-то обще-

ственного отношения, зафиксированного в уголовном законе, т. е. сопоставления юридического факта и состава преступления, сконструированного в уголовном законе.

Л. Д. Гаухман, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев, М. Б. Фаткуллина, В. А. Якушин и другие ученые определяют понятие ошибки в современном уголовном праве России как неправильное представление лица о фактических обстоятельствах, по которым оно действует, и которое могло повлиять на его умышленность или неосторожность при совершении преступления. Так, например, Л. Д. Гаухман в своих работах по уголовному праву России дает определение ошибки как неправильного понимания обстоятельств или фактов, имеющих значение для квалификации преступления, а также как неверного применения норм уголовного права к конкретному делу [21, с. 167].

По мнению Л. Д. Гаухмана, ошибки в уголовном праве могут быть следующих видов: 1) ошибки в законодательстве – это ошибки, которые совершаются при создании норм уголовного права; это может быть некорректное определение понятий, неправильное формулирование норм, несоответствие норм между собой и т. д.; 2) ошибки в применении норм – ошибки, которые совершаются при применении уголовного закона к конкретному делу; это может быть неправильное определение квалификации преступления, неправильное определение уголовной ответственности, ошибки в определении сроков давности и т. д.; 3) ошибки субъектов уголовного процесса – ошибки, которые допускают судьи, следователи, прокуроры, адвокаты и другие участники уголовного процесса (ошибки в процессуальных действиях); 4) ошибки со стороны защищаемого – ошибки, которые допускают обвиняемые или их защитники; это может быть неправильное поведение в суде, отказ от защиты, ошибки в постановлении вопросов и т. д.; 5) ошибки из-за непонимания – ошибки,

которые связаны с непониманием понятий, определений или процессуальных норм участниками уголовного процесса; это может быть связано с неразберихой в терминах, неправильным пониманием процедур и т. д.

В Сборнике очерков по актуальным проблемам теории и практики под редакцией В. В. Лунеева ошибка определяется как «неправильное понимание субъектом объекта преступления, его качества, количества, отношения к другим объектам и т. д.» [22, с. 241–244]. В этом же труде выделяются следующие виды ошибок в уголовном праве России: а) ошибка в оценке обстановки; б) ошибка в объекте; в) ошибка в личности потерпевшего; г) ошибка в правовой квалификации (лицо совершает деяние, полагая, что оно не является преступлением либо что преступление имеет более лёгкую квалификацию); д) легальная ошибка, т. е. те случаи, когда субъект преступления действует в соответствии с допустимым уголовным законом, но впоследствии выясняется, что его действия были несоответствующими закону. Сюда же в качестве ошибки включены и обстоятельства, исключающие преступность деяния, например необходимая оборона. Это случаи, когда субъект преступления совершает действия в целях защиты себя или других лиц от незаконных посягательств, но ошибочно полагает, что существует угроза для жизни либо здоровья их самих или других лиц.

В. В. Лунеев утверждает, что ошибка может быть учтена судом при вынесении приговора, если она была объективной и снижает степень вины субъекта. Однако если ошибка была вызвана небрежностью или грубым нарушением правил, это не освобождает лицо от уголовной ответственности.

В учебнике по Общей части уголовного права понятие ошибки описывается как неосознанное или неверное понима-

ние фактических обстоятельств, правовых правил и норм поведения, что может привести к неверному оцениванию ситуации и, как следствие, к совершению преступления или незаконного деяния и выделяет ошибки следующих видов: фактическая ошибка – это неосознанное неверное понимание фактических обстоятельств, приводящее к нелегальному поведению; правовая ошибка – это неосознанное неверное понимание действующих норм права, приводящее к деянию, которое с точки зрения закона является преступным; другие виды ошибок, такие, например, как ошибки в процессе правовой оценки действия, ошибки в квалификации преступления и др. [23, с. 353–364]

В современной уголовно-правовой литературе имеются различные понятийные характеристики «ошибки» в уголовном праве, однако «их общим недостатком является то, что в этих дефинициях акцент делается на каком-то одном из аспектов, присущих ошибке» [18, с. 35; 23, с. 193]. Соответственно, представленные в различных исследованиях формулировки ошибки рассматриваются «в самом обобщенном виде» как «заблуждение» лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление.

Формулировки понятия ошибки в уголовном праве отличаются некоторыми деталями, однако основное понимание ошибки в уголовном праве остается одинаковым. Напомним, что Л. Д. Гаухман подчеркивает, что ошибка может быть как фактической, так и юридической, и что она может влиять на квалификацию деяния, обстоятельства назначения наказания и т. д. Н. Ф. Кузнецова также разделяет ошибку на фактическую и юридическую, при этом акцентирует внимание на том, что ошибка должна быть непосредственно связана с ситуацией совершения преступления.

В. В. Лунеев отмечает, что ошибка может возникать как у преступника, так и у правоохранительных органов и что она может привести к нелегальности принятых мер по делу.

М. Б. Фаткуллина определяет ошибку как неверное знание, полученное под влиянием заблуждения лица о юридических или фактических обстоятельствах совершаемого им деяния [24, с. 8–9]. Автор утверждает, что ошибка может быть инициирована как некриминальными факторами (например, некорректные доказательства), так и криминальными и что она может повлиять на ход уголовного процесса.

Отметим, что в представленном М. Б. Фаткуллиной определении сразу же бросается в глаза тавтология: «заблуждения» как «неверное знание», «по незнанию», «незнание», а в остальном понятийная конструкция рассматриваемого понятия схожа с приведенными дефинициями ошибки, сформулированными другими исследователями.

Представители иных точек зрения связывают ошибку, во-первых, с заблуждением лица, во-вторых, с фактическими и юридическими признаками, в-третьих, общественно опасным деянием или содеянным. Разница, как правило, наблюдается в «игре» слов, словосочетаний, языковых феноменах и их различиями филологического порядка, таких как: «ошибка», «заблуждение», «незнание», «неведение», «обман», «искажение», «аберрация» и т. п.).

На наш взгляд, одним из упущений в теории вопроса можно считать то, что многие авторы не связывают юридическую ошибку, допущенную человеком, с его общей и правовой культурой, правосознанием, правопониманием, менталитетом, правовым нигилизмом и правоотношениями, являющимися компонентами правовой действительности. В этой связи

А. Ю. Прохоров справедливо замечает, что «ущербность правосознания, дефекты правовой культуры выступают основой формирования как криминальной активности лица, так и ошибок, с ней связанных. Юридическая ошибка видится как порождение, главным образом, названных факторов. Незнание закона свидетельствует о заниженном уровне правосознания и правовой культуры, нередко о приверженности лица правовому нигилизму. Само собой разумеется, что и фактическая ошибка сопряжена с названными явлениями, коль скоро возникает в рамках преступной деятельности» [25, с. 114–115].

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что, во-первых, ошибку в уголовном праве необходимо именовать не иначе как «субъективная ошибка», тем самым утвердить положение теории уголовного права и закрепить суть действующего уголовного закона о субъективном вменении; во-вторых, представленные доктринальные подходы к определению в уголовном праве понятия ошибки, на наш взгляд, базируются на смешении основных признаков понятий (и понимания) преступления и состава преступления, где вина играет главную роль и как основания уголовной ответственности, и как определяющий момент той или иной ошибки, а поэтому при таких подходах к понятию ошибки она показывает лишь итог, констатирует результат – влияет или не влияет та или иная ошибка на общественную опасность и противоправность, но не показывает механизм этого влияния. Мы полагаем, что механизм этого влияния зависит от того, в отношении какого из признаков, влияющих на основание уголовной ответственности, имелось заблуждение.

Ошибка в современном уголовном праве России – это ситуация, когда лицо, совершившее деяние, не имело намере-

ния, знания или возможности осознать недопустимость своих действий. Также ошибка может быть связана с неправильным истолкованием фактических обстоятельств совершения деяния или неправильным применением закона. В зависимости от характера ошибки она может приводить к снижению степени вины или отсутствию ее вообще, что, в свою очередь, может иметь влияние на назначение наказания.

Выводы

Таким образом, изучив институт ошибки в уголовном праве России, можно сделать следующие выводы:

1. Институт ошибки в уголовном праве дореволюционной России был достаточно слаб и находился в стадии развития. Он был нужен для правильного определения вины человека в совершении преступления.

2. Основными проблемами института ошибки были отсутствие четкой и однозначной формулировки понятий ошибки и непреднамеренности, различные толко-

вания судей и отсутствие единой методики исследования данного института.

3. Существовали затруднения в определении, является ли действие лица ошибочным или нет и кто может быть признан виновным в совершении преступления, если была допущена ошибка.

4. Вопросы института ошибки требовали дополнительного рассмотрения и уточнения, но их понимание и регулирование стали более точными и совершенными в советское и настоящее время, т. к. в последующие десятилетия были приняты значительные меры для уточнения его применения и совершенствования института уголовно-правовой ошибки.

В целом генезис ошибки в уголовном праве России связан с недостатками в сборе и анализе доказательств, в правовой осведомленности и профессиональной квалификации со стороны правоохранительных органов и судов, политическими интересами и влияниями, недостатками законодательства и даже коррупцией в правоохранительной сфере.

Список источников

1. Геллерь И. З. Ошибка человека и ее значение, при вменении деяния этого лица ему в вину. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910. 144 с.
2. Сергиевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. [Вып. 1-2]. Вопрос о причинной связи в литературе уголовного права. Ярославль: Типо-лит. Г. Фальк, 1880. 179 с.
3. Пусторослев П. П. Русское уголовное право: Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1907. 546 с.
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 798 с.
5. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев; Петербург; Харьков: Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.
6. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд., печ. без перемен со 2-го. Киев: Ф. А. Иогансон, 1891. 413 с.
7. Кони А. Ф. Об ошибке в области уголовного права // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1866. № 6. С. 419–444.

8. Горячев И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2010. 210 с.
9. Волженкин Б. В. Российская наука уголовного права и её развитие // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 969 с.
10. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Части общая и особенная. 2-е изд., испр. и доп. Одесса: Одесполиграф, 1926. 368 с.
11. Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть общая. М.: Изд-во МГУ, 1929. 511 с.
12. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву / отв. ред. Б. С. Маньковский. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 94 с.
13. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.
14. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 318 с.
15. Уголовное право. Общая часть / А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев [и др.]. 2-е изд., перераб. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 408 с.
16. Курс советского уголовного права. Часть общая: в 6 т. Т. 2 / ред. коллегия: заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А. А. Пионтковский [и др.]; АН СССР, Ин-т государства и права. М., 1970. 432 с.
17. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление / науч. ред. Г. Ф. Горский. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
18. Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 126 с.
19. Казгериева Э. В. Общенаучная постановка проблемы ошибок и необходимость теоретического обоснования в правоведении // Юридическое образование и наука. 2006. № 3. С. 3–7.
20. Захарова М. В. Экзегетический и социологические методы толкования как способы выявления и преодоления правотворческих ошибок: французский опыт решения проблемы // Юридический мир. 2009. № 7. С. 53.
21. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр Юринфор, 2003. 446 с.
22. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. М.: Юрайт, 2010. 779 с.
23. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундукова и И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 560 с.
24. Фаткуллина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.
25. Прохоров А. Ю. Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 222 с.

References

1. Geller" I. Z. Oshibka cheloveka i ee znachenie, pri vmenenii deyaniya etogo lica emu v vinu [A person's mistake and its significance, when imputing the act of this person to him]. Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1910. 144 p.

2. Sergievskij N. D. O znachenii prichinnoj svyazi v ugovnom prave. [Vyp. 1-2]. Vopros o prichinnoj svyazi v literature ugovnogo prava [On the meaning of causation in criminal law. [Issue 1-2]. The question of causality in the literature of criminal law]. Yaroslavl', Tipol.-lit. G. Fal'k, 1880. 179 p.
3. Pustoroslev P. P. Russkoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' [Russian Criminal Law. General part]. Is. 1. Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1907. 546 p.
4. Tagancev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya [Russian criminal law. The general part]. Tula, Avtograf Publ., 2001, vol. 1. 798 p.
5. Belogric"-Kotlyarevskij L. S. Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti [Textbook of Russian criminal law. General and special parts]. Kiev, Petersburg, Har'kov, Yuzhno-Russkoe kn-vo F. A. Iogansona, 1903. 618 p.
6. Kistyakovskij A. F. Elementarnyj uchebnik obshchego ugovnogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugovnogo zakonodatel'stva [Elementary textbook of general criminal law with a detailed description of the principles of Russian criminal law]. Chast' obshchaya. 3th ed. Kiev, F. A. Ioganson Publ., 1891. 413 p.
7. Koni A. F. Ob oshibke v oblasti ugovnogo prava [About a mistake in the field of criminal law]. *Zhurnal Ministerstva yusticii = Journal of the Ministry of Justice*. St. Petersburg, 1866, no. 6, pp. 419–444.
8. Goryachev I. N. Prezumpciya znaniya zakona i princip nesushchestvennosti yuridicheskoy oshibki v ugovnom prave Rossii. Diss. kand. yurid. nauk [Presumption of knowledge of the Law and the Principle of immateriality of a Legal Error in Russian Criminal Law. Cand. legal sci. diss.]. Yaroslavl', 2010. 210 p.
9. Volzhenkin B. V. Rossijskaya nauka ugovnogo prava i eyo razvitie [The Russian science of criminal law and its development]. *Izbrannye trudy po ugovnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.)* [Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2008. 969 p.
10. Nemirovskij E. YA. Sovetskoe ugovnoe pravo. Chasti obshchaya i osobennaya [Soviet criminal law. Parts general and special]. 2th ed. Odessa, Odespoligraf Publ., 1926. 368 p.
11. Trajnin A. N. Ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya [Criminal law. The general part]. Moscow, MGU Publ., 1929. 511 p.
12. Kirichenko V. F. Znachenie oshibki po sovetскому ugovnomu pravu [The meaning of an error in Soviet criminal law]; ed. by B. S. Man'kovskij. Moscow, AN SSSR Publ., 1952. 94 p.
13. Trajnin A. N. Sostav prestupleniya po sovetскому ugovnomu pravu [The composition of a crime under Soviet criminal law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1951. 388 p.
14. Utevskij B. S. Vina v sovetском ugovnom prave [Guilt in Soviet criminal law]. Moscow, Gos. Izd-vo yurid. lit., 1950. 318 p.
15. Gercenzon A. A., Durmanov N. D., Isaev M. M., eds. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. The general part]. 2th ed. Moscow, Yurid. izd-vo NKYS SSSR, 1938. 408 p.
16. Kurs sovetского ugovnogo prava. Chast' obshchaya [The course of Soviet criminal law. The general part]; ed. by A. A. Piontkovskij, eds. Moscow, AN SSSR, In-t gosudarstva i prava, 1970, vol. 2. 432 p.
17. Dageľ P. S., Kotov D. P. Sub'ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie [The subjective side of the crime and its establishment]; ed. by G. F. Gorskij. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1974. 243 p.
18. Yakushin V. A. Oshibka i ee ugovno-pravovoe znachenie [Error and its criminal legal significance]. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1988. 126 p.

19. Kazgerieva E. V. Obshchenauchnaya postanovka problemy oshibok i neobhodimost' teoreticheskogo obosnovaniya v pravovedenii [General scientific statement of the problem of errors and the need for theoretical justification in jurisprudence]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* = *Legal education and Science*, 2006, no. 3, pp. 3–7.

20. Zaharova M. V. Ekzegeticheskij i sociologicheskie metody tolkovaniya kak sposoby vyyavleniya i preodoleniya pravotvorcheskikh oshibok: francuzskij opyt resheniya problemy [Exegetic and sociological methods of interpretation as ways to identify and overcome law-making errors: the French experience of solving the problem]. *Yuridicheskij mir* = *Legal World*, 2009, no. 7, pp. 53.

21. Gauhman L. D. Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika [Qualification of crimes: law, theory, practice]. Moscow, Centr Yurinform Publ., 2003. 446 p.

22. Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Sbornik ocherkov [Criminal law. Actual problems of theory and practice. Collection of essays]; ed. by V. V. Luneev. Moscow, Yurajt Publ., 2010. 779 p.

23. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' [Criminal law of Russia. The general part]; ed. by F. R. Sundurov, I. A. Tarhanov. 2th ed. Moscow, Statut Publ., 2016. 560 p.

24. Fatkullina M. B. Yuridicheskie i fakticheskie oshibki v ugolovnom prave: problemy kvalifikacii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Legal and factual errors in criminal law: problems of qualification. Cand. legal sci. abstract diss.]. Ekaterinburg, 2001. 24 p.

25. Prohorov A. Yu. Institut oshibki v romano-germanskom ugolovnom prave: komparativistskij i teoretiko-prikladnoj aspekty. Diss. kand. yurid. nauk [Institute of Error in Romano-Germanic Criminal Law: comparative and theoretical-applied aspects. Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2014. 222 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valery.novichkovn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Valery E. Novichkov, Dr. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valery.novichkovn@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672